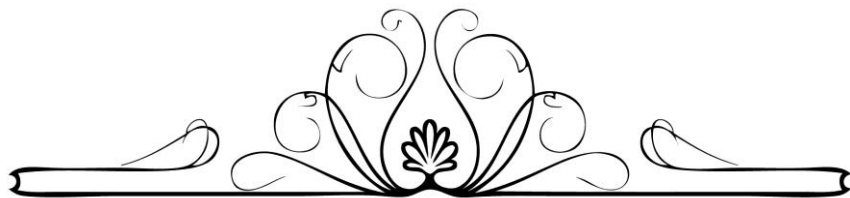

Т. Д. Комова
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
ГБОУ гимназия 1514

Р. Г. Назиров. Международные
литературные сюжеты и типы:
словарь-справочник /

Р. Г. Назиров. — Уфа: РИЦ
БашГУ, 2012. — 206 с. —
ISBN 978-5-7477-2920-9

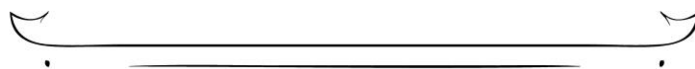

Судьба научного наследия Р. Г. Назирова, к сожалению, во многом типична для нашей действительности. То, что большая часть его трудов была опубликована посмертно, еще раз демонстрирует, как часто оказываются незаслуженно обделены вниманием ученые, жизнь и научная деятельность которых проходит вдали от столичных университетов. При этом сам факт того, что с 2004 года вышло более двадцати статей, сборников и монографий Назирова, говорит об осознании в научной среде значимости его фигуры для отечественного литературоведения и о желании донести до нынешнего и нового поколения исследователей-компаративистов плоды его деятельности, которые, несомненно, вносят огромный вклад в развитие науки.

Однако настоящее издание — «Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник» — заслуживает внимания не только потому, что Р. Г. Назиров является его единоличным автором. Прямым адресатом словаря ученый мыслил не столько своего коллегу-компаративиста, сколько школьного учителя и ученика старших классов, о чем говорится во Вступительных замечаниях от автора. Таким образом ученый подчеркнул важность преемственности знания между высшей и средней школой. Значение этой преемственности сегодня часто не берется во внимание, но оно очевидно для человека, чья жизнь тесно связана с преподаванием. Гуманитарное знание, даже научное, не может быть ориентировано только на самое себя; не имея «практической» ценности, выхода к человеку, оно теряет свое первостепенное значение и приобретает вид запыленного, никому не нужного фолианта на библиотечной полке. К тому же, обращенное к средней школе, оно привлечет внимание юного читателя и создаст мотивацию для более глубокого изучения того или иного вопроса, что в будущем может послужить его же, знания, пополнению.

Уже из перечня заглавий статей становится очевидно, что «тип» понимается Р. Г. Назировым предельно широко. В первую очередь это типический характер, несущий в себе «большое художественное обобщение»¹, который может возникать на почве национальных и культурных особенностей и представлять собой национальный тип, носителя определенных ценностей (Татьяна Ларина, Обломов, Эмма Бовари, Скарлетт О'Хара и пр.). Такой герой всегда в той или иной степени воздействует на дальнейшую литературную традицию: Татьяна Ларина становится прототипом «тургеневских девушек», черты Эммы Бовари можно найти во многих произведениях

¹ Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М., 1971. С. 68.

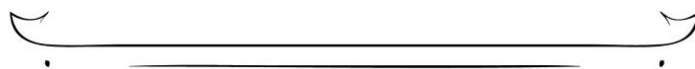
русской литературы второй половины XIX века и пр. В то же время некоторые статьи рассказывают о *литературном типе*, то есть ряде персонажей, обладающих каждый своим, неповторимым характером. При этом «глубокая внутренняя индивидуализация героя не мешает видеть в нем многообразие *вариантов типа*, который рассматривается в качестве *инварианта*»². К таким сюжетам и типам относятся, например, Байронический герой, Ограбление бедняка, Лишний человек и пр. Третья категория типов в словаре — это скорее *архетипы*, вечные образы, повторяющиеся в мировой литературе вне зависимости от локальных особенностей той или иной культуры (Прометей, Эдип, Сатана, Гамлет, Дон Кихот и пр.). Само собой разумеется, что они порождают самые богатые литературные линии, о чем свидетельствуют объемы посвященных им статей.

В самом названии словаря-справочника акцентируется неразрывная связь типа и сюжета (иногда мотива, если понимать его, вслед за А. Л. Бемом, как сюжетогенный мотив³). Действительно, появление типа всегда обусловлено сходством произведений в сюжетном плане, наличием общего мотива или комплекса мотивов. Оно становится возможным при условии включения персонажа в цепь событий, которая в чем-то сходна с событиями, происходящими с другими героями. Так, Блудный сын (с. 20) — тип героя, для которого характерными чертами являются желание покинуть дом, семью и наслаждаться земными радостями, а впоследствии — раскаяние в своих поступках и покаяние, признание перед отцом своей вины. При этом тип не сможет реализоваться без мотива странствия и мотива прощения, а их реализация, в свою очередь, предполагает особое построение фабулы: герой покидает дом, странствует и затем возвращается. То же можно сказать и о сюжете (мотиве): так, Двойничество всегда предполагает оппозицию «двух неразлично схожих, но морально враждебных персонажей» (с. 46), а потому для нее характерны конкретные типы, например двойник-узурпатор (крошка Цахес, тень, Вильям Вильсон, Голядкин-младший и пр.). И несмотря на то что большая часть статей отсылает читателя именно к типам (указатель статей состоит в основном из имен собственных), большинство из них функционирует в определенных сюжетных рамках, нарушение которых повлечет за собой видоизменение характерных черт героя, в результате чего он не сможет войти в ряд представителей означенного типа.

Статьи справочника состоят из описаний известных мифологических, библейских и собственно литературных сюжетов или типов и как правило снабжены отсылками к различным произведениям искусства (чаще всего литературным, но

² Чернец Л. В. Персонажная сфера литературных произведений: понятия и термины // Художественная антропология. Теоретические и историко-литературные аспекты. Материалы Международной научной конференции «Поспеловские чтения» — 2009 / под ред. М. Л. Ремневой, О.А.Клинга, А.Я.Эсалнек. М., 2011. С. 31.

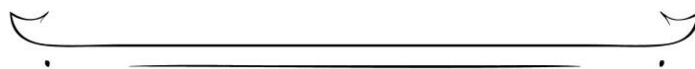
³ Бем А. Л. Мотив и сюжет // Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск, 1999.

иногда из сферы живописи, кино и пр.). Статьи представлены в алфавитном порядке, что максимально облегчает поиск нужного понятия. Сходную структуру имеет «Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы», издаваемый Институтом филологии Сибирского отделения РАН, который уже получил широкую известность в научных кругах и имеет несомненную ценность как для историков русской литературы, так и исследователей-компаративистов⁴. К сожалению, в силу естественных причин ученые не смогли учесть опыт друг друга (в выходных данных первого выпуска новосибирского издания значится 2003 год, а Р. Г. Назиров ушел из жизни в начале 2004-го), и потому изданный только в 2012 г. справочник Р. Г. Назирова на фоне во многом сходного проекта может показаться менее презентабельным. Однако, в отличие от «Словаря-указателя», в котором есть лишь небольшая справка о типе, сюжете или мотиве и перечень произведений русской литературы, в которых он встречается, в настоящем издании по большей части представлены статьи, в которых (с разной степенью подробности) рассказывается, *каким образом* тип, сюжет или мотив функционирует *в разных текстах*, что это дает для понимания произведения, какими смыслами и ассоциациями обогащает его. Так, сюжет об инцесте (с. 70—72) позволяет проследить его развитие в течение многих веков, появление на его почве новых типов (Эдип, Федра и Ипполит, папа Григорий и пр.), «обрастание» комплексом сопутствующих тем (идеи тиранической власти, запретного и ложного знания, самообожествления как одной из форм религиозного кощунства) и мотивов (нравственный подвиг святых грешников, поднимающихся из бездны падения к святости; месть женщины за отвергнутую любовь; невольный инцест и пр.).

Однако далеко не все отсылки к литературным произведениям, о которых идет речь в словаре-справочнике, снабжены авторским комментарием: примерно половина статей содержит лишь перечень названий. И хотя само обозначение параллели, порой вовсе не очевидной, уже имеет ценность, на фоне статей, в которых есть подробный анализ, такие справки выглядят непрезентабельно. Неравнозначность научной ценности статей играет против словаря: представляя глубокие и широкоохватные статьи, претендующие на самостоятельные исследования («Ахиллес», «Двойничество», «Дон Жуан», «Спящий крестьянин» и пр.), Назиров сам определяет стандарт, и потому некоторые статьи создают впечатление отписок. Да и предлагаемый перечень названий порой кажется неполным. В некоторых статьях не указаны произведения, которые не могут не прийти в голову подкованному читателю («Антигона» Ж. Ануя, стихотворение О. Э. Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...» в связи с темой аргонавтов и Золотого руна и пр.) и часто обладают куда большей культурной ценностью, чем те, о которых в статье

⁴ См. *Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы*. Экспериментальное издание / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Вып. 1—3. Новосибирск, 2003, 2006, 2008, 2009.

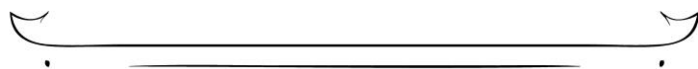
упоминается. К тому же, для тех, кто знаком со «Словарем-указателем», простое перечисление порой становится несущественным: так, в рецензируемом издании в статье «Агасфер» всего 4 названия, в то время как в «Словаре-указателе» — 32. (Сам Назиров, как уже было отмечено, с результатом работы новосибирских коллег ознакомиться не мог.)

Во вступительной статье Р. Г. Назиров пишет, что «словарь содержит сюжеты, мотивы и образы мировой литературы, которые в науке порой называют рекуррентными (периодически повторяющимися) и которые по сей день обладают высокой эстетической авторитетностью» (с. 5). Тем не менее, согласно ряду статей, не каждый сюжет, описанный в словаре, породил самостоятельную литературную линию. В основном это касается мифологических и библейских сюжетов, большинство из которых представляются в словаре важными для культурного наследия только в плане фразеологии («авгиевы конюшни», «лампа Алладина», «валтасаров пир» и пр.). В связи с этим не очень ясно, чем обусловлено их включение в словарь. В статье «Беовульф» подробно изложен сюжет древнеанглийского эпоса, однако ничего не сказано о том, какое влияние он оказал на дальнейшую литературную традицию. Иногда широкое распространение сюжета просто обозначено, но никак не проиллюстрировано («Билкис», с. 19—20). Порой иллюстрация вызывает недоумение: так, в статье «Белоснежка и семь гномов» из двух примеров распространения сказочного сюжета второй — полнометражный мультфильм студии Уолта Диснея, о котором сказано лишь то, что он принес создателям «восемь миллионов долларов прибыли и всемирную славу» (с. 18). О самом сюжете, варианте типа ничего не сказано.

Также читатель может поставить под сомнение заявленную во вступительном слове высокую эстетическую авторитетность сюжета, если в статье приведен всего один пример его распространения. Блудный сын, например, наиболее богатый сюжет для мировой литературы, а в статье упоминается лишь об одном произведении, причем из творчества Пушкина («Станционный смотритель»), где картинки с изображением данного сюжета «служат знаком дидактического морализирования, опровергаемого всем строем пушкинской повести и ходом действия» (с. 20). Значение сюжета в мировой литературе, таким образом, никак не раскрывается.

Некоторые статьи рассказывают не столько об известных типах, сколько о литературных произведениях, имеющих важное значение для истории литературы («Алиса в стране чудес», «Божественная комедия» и пр.). При этом наличие статей о них в настоящем издании не представляется важным, потому что эти произведения (по крайней мере, исходя из текста статей) не порождают самостоятельной литературной линии.

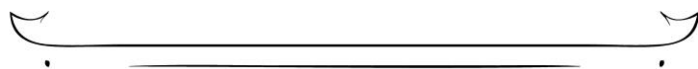
В связи с тем что словарь адресован в основном студентам гуманитарных факультетов и школьникам старших классов, выбор «простого и общепринятого

языка» (с. 5) представляется правильным. Однако наличие научной терминологии, на наш взгляд, все-таки необходимо: старшеклассники и студенты должны понимать, что их интеллектуальное обогащение напрямую связано с научными изысканиями и трудом серьезного ученого. Но гораздо большее сожаление вызывает не столько отсутствие научной терминологии, сколько отсутствие научного подхода к подготовке издания. Так, в нем полностью (!) отсутствует библиография. Списка используемой литературы нет ни в конце статьи, ни в конце книги. Изредка в тексте статьи попадает ссылка на научный труд (без выходных данных). На какие именно источники опирался автор при составлении справки о сюжете и типе, узнать не представляется возможным. В результате авторское замечание о преобладании в словаре собственных разработок в области сравнительной фабулистики (см. с. 5) теряет значение: потребовался бы серьезный текстологический анализ для определения авторства той или иной идеи.

Настоящему изданию также не помешала бы четкая смысловая композиция исходя из разноплановости представляемых типов. Отсутствие разделов никак не подчеркивает их происхождение и значение, и вследствие этого на одной странице могут оказаться статьи об архетипе Хвастливого воина, о Химене, ставшей типом благодаря изображению в ее облике как ярких характерных черт классицистической традиции, так и глубоких нравственных ценностей, и о Хлестакове, породившем в литературе определенный тип характера, — и все они, таким образом, представлены как равноценные. Стоило бы подчеркнуть на уровне композиции *происхождение* сюжета и типа, ведь архетипы, возникшие в мифологический период (Дракон, Шут, Икар, Сфинкс), функционируют в литературе иначе, нежели те, что появились в периоды традиционалистского (Плут, Дон Кихот, Макбет, Фигаро) или индивидуально-творческого (Квазимодо, Байронический герой, Онегин, Скарлет О'Хара) типов художественного сознания. В этом случае Шут и Бравый солдат Швейк не были бы уравнены по значению, а также удалось бы на композиционном уровне подчеркнуть их родовую связь.

Некоторые статьи, на наш взгляд, стоило бы совместить, так как они явно представляют собой разновидности сюжета или типа («Агамемнон» и «Атриды», «Манфред» и «Байронический герой», тем более что ни Агамемнон, ни Манфред, согласно словарю, не порождают литературной линии). Порой две статьи рассказывают об одном и том же сюжете, но в разных литературных традициях («Асхаб Ал-Кахф» и «Семеро спящих»). Несомненно, в настоящем виде справочник прост для использования: найти сюжет или тип по указателю статей, приведенных в алфавитном порядке, не составляет труда, — но при наличии и оглавления, и алфавитного указателя более системное обобщение не нанесло бы урона, а наоборот, позволило бы читателю увидеть тип, сюжет или мотив в тесной взаимосвязи с другими, родственными ему явлениями.

В целом, впечатление от издания следующее: оно больше похоже не на законченный словарь, а на сборник набросков к серьезному научному труду, который по тем или иным причинам не был завершен. Из-за отсутствия какого-либо комментария от редакционной коллегии не представляется возможным установить, в чем именно состоит причина незавершенности словаря и мыслился ли он завершенным самим Р. Г. Назировым. Учитывая тот факт, что настоящий справочник — посмертное издание, хотелось бы понимать, насколько оно отвечает воле автора, а потому отсутствие текстологического комментария оставляет многие вопросы открытыми, а впечатление от издания — неоднозначным.

Если же оставить в стороне вопросы о степени законченности рецензируемого словаря и рассматривать его как завершенный научный труд, сложно согласиться с тем, что он как научное событие действительно состоялся. Невероятно масштабный по задумке, словарь Назирова призван, с одной стороны, играть роль справочника, предлагая читателю список произведений, в которых тип продолжил свое литературное существование, и с другой стороны — представлять исследования по истории типов. Однако на деле он выполняет обе функции лишь частично, к тому же неравномерно — за счет неравнозначной ценности статей, отчего создается ощущение дисбаланса.

Таким образом, в настоящем виде словарь-справочник «Международные литературные сюжеты и типы» имеет несомненную историческую и культурную ценность, но в первую очередь как авторская работа Р. Г. Назирова, требующая изучения, расширения, доработки (а то и переработки), в результате которой может появиться серьезное исследование в области сравнительно-исторического литературоведения.

